

Душа

«Редкий охраняемый вид» сидел на палубе, окончательно утратив всякое аристократическое величие. Ноздри обоих забивал тяжелый, холодный запах морской соли и тины. Рев волн доносился откуда-то издалека, приглушенный, словно из другого мира. Профессор заворожено следил за слабыми отблесками света, преломляющимися в воде, и странными тенями — должно быть, косяками рыб, — проносящимися мимо. Рука его по привычке потянулась к карману в поисках бумаги и пера.

Азуке пришлось прервать его изыскания:

— Профессор, что вам известно о природе происхождения магов?

Нова мгновенно переключил внимание на собеседника.

— Чем истовее вера прихожанина, тем больше у него шансов стать магом, — ответил он, цитируя епископа Файнса.

В церковно-приходских школах, где всех кормили из одного котла, учились только безродные выскочки. В знатных же семьях для обучения отпрысков приглашали епископов или высокопоставленных клириков. Чем могущественнее был род, тем выше был сан наставника — они становились своего рода частными учителями, окруженными почетом и благоговением, хотя их фактический статус был куда выше.

Однако для обедневшего рода Броуди епископ Файнс был лишь свадебным генералом, заглянувшим для проформы. Основную учебу Новы все равно тащили на себе рядовые священники епархии.

Файнс был магом-апостолом начального уровня, и этого статуса хватило, чтобы занять пост епископа Церкви Сияющего Света в местном приходе. В свое время Броуди-младший вдоволь наслушался его пустой болтовни о «величии нашего Бога». Когда старик в третий раз пустился в пространные рассуждения — а скорее, в хвастовство — о том, как после долгих лет молитв он наконец сподобился милости Бога Света и Славы, мальчик, поняв, что полезных сведений больше не будет, не выдержал.

— Епископ Файнс, — пятилетний черноволосый ребенок уставился на клирика холодным, не по годам суровым взглядом серых глаз. — Я не понимаю. Почему для того, чтобы стать магом, достаточно одной лишь истовой веры? Происходит ли это из-за постоянной стимуляции определенной зоны коры правого полушария мозга, вызывающей некую патологию, или же само понятие «маг» — это чисто идеалистическая концепция?

В итоге это великое и торжественное исследование закончилось ядовитыми насмешками

епископа и неистовым гневом госпожи Броуди, которая, рассыпаясь в извинениях, выпроводила гостя.

Профессор подозревал, что епископ и сам не знал ответа, скрывая свое невежество за фальшивой улыбкой и закатыванием глаз. Но его мать, очевидно, считала иначе.

— Почему ты... почему ты всегда такой странный?!

— Ты специально издеваешься надо мной?! — его мать в этой жизни в истерике хватала его за плечи, впиваясь ногтями в плоть. — В твоей голове вечно роятся какие-то дикие, гнусные, отвратительные мысли! Ты не оборвыш из трущоб, чтобы нести этот непристойный бред. Ты — старший сын семьи Броуди, будущий виконт! Как ты посмел сказать такое епископу Файнсу? Боги, что сделает твой амбициозный дядя, когда прознает об этом...

Она в изнеможении рухнула в роскошное, но потертое кресло и, уткнувшись в подлокотник, горько разрыдалась.

— Прости, мама, — услышала она тихий голос своего странного сына. — Но я не понимаю, почему ты сердишься. И не думаю, что дядя что-то предпримет, узнав об этом.

Госпожа Броуди медленно подняла голову. Ее полные слез глаза встретились с дымчато-серым взглядом — спокойным, лишенным всяких эмоций, холодным, словно свет далекой луны. Она вздрогнула; от этого ребенка веяло чем-то пугающим.

А затем он произнес тоном, который никак не мог принадлежать дитя — ледяным и бесконечно усталым:

— Дядя будет только рад, если отношения наследника семьи Броуди с Церковью испортятся. Пока Королевский совет признает мои права на титул, он не посмеет действовать открыто. Любое давление лишь заставит его рискнуть всем. Но если тебе так нужно, я могу пойти и извиниться перед этим неучем в рясе.

Не самые приятные воспоминания заставили Нову нахмуриться. Он заставил себя вернуться к настоящему. Вкратце пересказав собеседнику теорию епископа Файнса, профессор подытожил:

— Церковь и Общество монополизировали все знания. В открытом доступе лишь крупицы информации, так что подробностей я не знаю.

Тот слушал молча и очень внимательно, не перебивая, что лишь укрепило симпатию профессора к нему.

— Доля истины в этом есть, но позволь мне объяснить все системно, — Азука на мгновение

задумался, коснувшись рукой груди. — Здесь находится наш Исток, или, если угодно, душа. Когда мы впервые входим в резонанс с одной из мировых Идей, она оставляет отпечаток на Истоке. Формируется устойчивый контур, который позволяет через этот резонанс накапливать и использовать силу соответствующей Идеи.

Тот излагал эти сложные вещи плавно и доступно, словно самый прилежный учитель. Юноша, казалось, вовсе не осознавал, что делится знаниями, которые Церковь и Общество охраняют пуще зеницы ока и никогда не раскрывают простым смертным.

— Ваш епископ знал лишь верхушку. Чтобы стать магом, проще всего выбрать Бога и уверовать в него. Тогда верующему не нужно ловить ускользающую Идею самому — он резонирует напрямую с Богом. В случае успеха на Истоке остается божественная метка, облегчающая доступ к Идеям, которые этот Бог олицетворяет.

Нова задумчиво кивнул. Понятно: боги — это просто посредники.

Избранный богом издал короткий, странный смешок:

— Но есть и обратная сторона. Поскольку резонанс с Идеей не прямой, верующий может высвободить силу только через внешние атрибуты — песнопения, заклинания, магические предметы. Они нужны, чтобы вывести Идею из Истока во внешний мир. Сегодня это считается единственно верным фундаментом магии. А мой способ — прямой резонанс с Идеями — нынешние маги назвали бы безумием или ересью.

— Выходит, безбожник тоже может стать магом, — профессор мгновенно ухватил суть, — но великие Церкви не терпят отсутствия веры. Почему? Неужели нехватка паствы как-то влияет на самих богов?

— Возможно, — тихо отозвался юноша, — но точной причины я не знаю. За тысячи лет бесчисленные мелкие культы были поглощены более могущественными. Это значит, что боги этих культов ушли в забвение и окончательно развеялись в пыли истории.

— ...Я запомню. Следующий вопрос, — Нова едва заметно кивнул. — Избранный богом определяется как тот, кто отмечен божественной любовью и способен творить магию без посредников. Другими словами, Избранный — это на самом деле...

Безбожник.

Слово застряло в горле, прерванное внезапным порывом ветра. Нова нахмурился, заметив, что их окружила невидимая воздушная стена. Юноша, мягко улыбаясь, прижал указательный палец к своим губам.

«...»

Черноволосый мужчина с каменным лицом провел пальцем по своим губам, словно застегивая замок — жест, означающий молчание. Подумать только: религиозный лидер наталинцев, Избранный бога бурь Утоски, на самом деле — безбожник? Мир определенно сошел с ума.

Воздушный поток наконец схлынул, и профессор еще долго откашливался, заставив того почувствовать укол вины. Тот уже потянулся было, чтобы похлопать его по спине, но Броуди, совладав с дыханием, поднял на него взгляд.

— Последний вопрос. Может ли мой Исток войти в резонанс с какой-нибудь Идеей? Могу ли я научиться вашей... чудесной, идеалистической, противоречащей всем физическим принципам магии?

«...»

Юноша пристально вглядывался в серые глаза профессора. Под ними залегли тени от хронического недосыпа, белки покраснели, но в самих зрачках, подпитываемое неистовой страстью к познанию, горело жутковатое свечение, подобное расплавленному металлу.

Это были ослепляющие амбиции и жажда, направленные не на деньги или власть, а на нечто иное. Так ребенок, затаив дыхание, замирает посреди пустынного поля, пытаясь дотянуться до кружащихся звезд. Первобытное, чистое человеческое любопытство перед лицом неведомого.

— Ваша душа... она очень, очень сильна, — голос Избранного богом стал совсем тихим, словно он боялся спугнуть видение. Нова заметил, как золотые искры в его зрачках стремительно сгущаются, превращая глаза в два сияющих солнца. В этот миг юноша казался истинным божеством, сошедшим на землю.

— Река Окенсейл не смогла оставить на вашей душе ни следа.

В это мгновение казалось, будто он заглянул Нове в самую душу — или и впрямь увидел там нечто.

— Наши Истоки, наши души, от рождения закованы в семь цепей: рождение, разум, язык, движение, чувства, смерть и преодоление. По мере того как человек растет и угасает, он постепенно открывает первые шесть. Лишь седьмая цепь — преодоление — остается запертой для большинства.

— Но на вашей душе я не вижу ни одной цепи. Она абсолютно свободна, невероятно активна и полна жизни.

Профессор моргнул и невольно отпрянул. Чтобы разглядеть его «душу», он придвинулся слишком близко — эта незнакомая близость вызывала тревогу. Но в следующую секунду Нова почувствовал ладонь на своем затылке. Его лицо силой прижали к груди собеседника.

— Например, сейчас.

Среди внезапного и мощного толчка он услышал над самым ухом голос Азуки:

— Король Корентин был великим магом. Он выжег свою душу дотла, чтобы воздвигнуть Стену Вздохов. Идеи, которые он выбрал — «Ветер» и «Защита».

— Чтобы пройти сквозь Стену, неизбежно приходится сталкиваться с его волей. Мой Исток содрогается от этого резонанса, души остальных тоже пасуют перед мощью «Защиты», не в силах пробиться сквозь преграду. Но ваша душа никак не реагирует. Словно на нее ничто не действует.

Корабль затрясло, дерево застонало, словно судно вот-вот развалится на куски. Избранный богом крепко держал его, и Нова отчетливо слышал его сердцебиение — ровное, спокойное, без малейшего намека на «содрогание».

А затем последовал ответ, похожий на тихий вздох:

— Мне очень жаль. Ваша душа слишком сильна, чтобы войти с чем-то в резонанс. Вы никогда не станете магом.

Нова Броуди со страниц комикса оставался обычным человеком до самого того мига, пока тот не отсек ему голову.

<http://bllate.org/book/15312/1354372>